

Сергей Коробов: Вы одна из немногих современных писателей, чье творчество неразрывно связано со страной, народом. Герои ваших произведений, как вы однажды выразились, «красивы, дерзки, умелы, отважны — даже в трагичности, даже в нелепости своих судеб». Когда народная, национальная, христоцентрическая система ценностей стала определять вашу жизнь и творчество?

Вера Галактионова: Система ценностей — это данность. Здесь нет начальной точки отсчета. В самой среде обитания содержится все — своя вера, своя история, своя живительная речь, богатейшая литература, великие достижения ученых. Но даже еще на генетическом уровне каждый из нас наследует весь этот сложный багаж, а затем пробует его осмыслить, чтобы развить и претворить в какие-то дела по мере сил. Ведь многим известно то странное чувство узнавания, которое появляется при чтении разных умных книг — мы встречаемся будто с тем, что когда-то, давным-давно, было открыто нам, только немного позабылось. Такое мироощущение писатель В. Личутин называет русским космосом. А можно ли выпрыгнуть из космоса? И, помилуйте, куда?!. Душа существует в связке с тем, что ее породило. Она — звено в череде поколений: тут — плюс-минус бесконечность... Что досталось, то и досталось.

Человеку, крещенному в младенчестве, не приходится принимать православие — он в нем существует, как дышит. Прегрешая, впадая в отчаяние, вставая, ошибаясь, он дня не живет без Бога, даже если этого не осознает. Открыто верующая Россия или тайно верующая в периоды гонений на церковь — это ничего не меняет... Я знала именно таких людей, судьбы которых пыталась отобразить. Описывая их жизненный путь как горизонталь, пренебрегать тем, что каждый из них соединяет собою небо и землю, значит чего-то не понимать в своих героях. Таков русский крест...

Бывает, что теперь я встречаю иной тип людей. И не узнаю в них своих, природных. Новые порядки весьма последовательно выбивали из жизни самых вдумчивых, образованных, творчески одаренных людей, для которых чужд режим шоу — ре-

жим массовых беснований. И в последнее время что-то не то происходит с нашим народом. Люди, ошарашенные происходящим, не понимают, как противостоять собственному бесправию, куда их насильно ведут ювенальные технологии, ювенальное законодательство... У нас веками считалось: русские долго запрягают, зато быстро едут. Но теперь я вижу другое — если русские слишком долго запрягают, то едут на них.

С. К.: Примечательно ваше высказывание о том, что верное художественное произведение в русской литературе не должно вступать в противоречие со Священным писанием. Почему это так важно для вас?

В. Г.: Наверно, потому, что плохо отношусь к изменам. Изменять вере Отцов, изменять своей национальности, изменять Родине, изменять себе — так ведь можно лишиться всего, самого главного в жизни. И потом, есть ли такие литературные произведения, которые долговечней Священного писания?..

Опасность противоречия следовало бы прежде всего обосновать с позиций богословских. Но это лучше делать священнослужителям. Тут — тема многоступенчатая и очень тонкая.

С. К.: В ваших произведениях филологи отмечают «богатейший синтаксис», «искренность, эмоциональность письма», которые опираются на «жесткую продуманность формы». Еще большую уникальность вашему творчеству придают тексты, написанные в жанре сюжетного сказа (например «Большой крест»). На мой взгляд, сказ в современной литературе — довольно оригинальное и смелое творческое жанровое решение. С чем оно связано?

В. Г.: С очаровательным говором, в основе которого сохранился старорусский язык. В семье моих родителей говорили очень правильно. Это была среда технической интеллигенции. Но когда моя сельская бабушка настояла на том, чтобы с детства я училась «при ней», передо мной словно раскрыли ларец с самоцветами — так сияли, переливались, таинственно мерцали слова деревенских соседок и древних старцев. И было в их сказываниях столько житейской и высшей, народной

мудрости, что детский мой слух временами изнемогал от этой красоты, от сопереживаний, не соответствующих возрасту.

Иногда моя бабушка приводила меня к совсем уж немощным своим знакомым. В их избенках раскрывались старопечатные книги, неторопливо читалась вслух и обсуждалась житейная, не исправленная реформами, литература, которую мне вобрать в свой разум бывало сложно. Совсем истомившись и соскучившись по более простым смыслам, я спрашивала: «А когда мы пойдем к молодым? Ну что мы все к старым да к старым ходим?» Соседки посмеивались: «Кто же тогда нас, стареньких-то, любить будет?»

Позже я стала догадываться, что эта их перенасыщенная образами, густая речь, играющая глубочайшими философскими смыслами, уходит в прошлое поминутно. Она истаивает — молодые в селе уже говорили проще, мыслили практичней. В школе речь учителей и вовсе была современной до стерильности. И в подростковом возрасте у меня стали появляться беспокойство и даже страх, что все это, услышанное от разных стариков и старух, уже не прозвучит вновь — нигде, никогда. Растворившись в том временном пространстве, их сказывание умрет — насовсем!

Наверно, это была форма страха смерти, обострившаяся после похорон бабушки, от чего я долго не могла прийти в себя. Я не знала, как мне жить без теплого участия той, которая еще до школы выучила меня церковнославянскому языку, а древнее «Сказание об Иосифе Прекрасном и его братьях» с ее родного голоса воспринималось мною как самая любимая детская сказка. Это она ласково читала мне наизусть стихи И. Никитина и А. Кольцова — меж делом, в несуетливых хлопотах по хозяйству...

Наступившее полудетское острейшее одиночество утолялось сильным литературным обезболиванием — погружением в произведения Ф. Достоевского, А. Блока, В. Брюсова. И во взрослом состоянии все-то я вспоминала о своем долге перед отговорившими людьми: их сокровенное следовало вытащить из небытия, перевести из смерти

— в жизнь, непременно, потому что на всем белом свете выполнить это, кроме меня, — некому.

Один из писателей, хирург по профессии, сказал однажды: «Не понимаю, как устроена твоя голова? В ней должен быть встроен какой-то магнитофон». Но механического переложения на бумагу чужих сюжетов не было. Они, однако, были усвоены в таких больших количествах, что это позволяло составлять, выбирать, сращивать самые различные эпизоды, уже стремясь к своей, задуманной, сюжетной цельности.

А сказовая форма повествования действительно, наиболее трудно выполнимая. Это — как сыграть концерт для скрипки с оркестром, но без оркестра. Методом уплотнения музыкальной ткани, иначе все будет провисать...

С. К.: Вера Григорьевна, современный средне-статистический писатель, критик, журналист, читатель — как он воспринимает такие тексты? Особенно тот, который не обладает глубокими познаниями в истории и языкознании?

В. Г.: Читается сказ, конечно, трудновато. Но тут цель совсем другая — утвердить в литературном пространстве именно ту, народную, русскую речь, которую уже поглотила немота прошлого. На какое-то признание и даже на публикацию этих моих работ я особо не надеялась. Только упорно выполняла свой долг — перед прошлым и перед будущим. Перед вечностью, если хотите...

Но с неожиданной публикацией сказов обнаружился в них и такой, непредвиденный мною, непреднамеренный эффект, который озадачивал поначалу. Ко мне подходили рядовые читатели — то белорусы, то украинцы — со странным вопросом: «Откуда вы знаете наши слова? Они встречались только у наших стариков». Это — где-то на Полтавщине, где-то в Полоцке.

Не сразу, но можно было догадаться, что некогда существовала единая, праславянская матрица, общая для русских, белорусов, украинцев. Да, да — в народных говорах сохранились отголоски нашей единой речевой древней матрицы! А речевой — значит и мировоззренческой.

С. К.: Само собой разумеется, что отстаивание

собственной творческой правды, самобытности нерушимых моральных устоев — должно быть девизом писателя любой эпохи. Однако большинство ваших современников легко подстраивалось и подстраивается как под советское, так и постсоветское время...

В. Г.: Ну, и лирическим героем С. Есенина говорилось: «Розу белую с черною жабой я хотел на земле повенчать». Тогда человек белой России перековывался в человека безбожного, безнационального. Теперь он перековывается в человека рыночного — общемирового...

Тут вот что наблюдается: искреннее служение даже самой сомнительной идее дает свой плод в творчестве, продажность — нет. Поэтому писателю не судья. Вечность сама сотрет приспособленческое: написанное в угоду земным властям, оплачивающим выгодное для себя литературное направление, или созданное по заказу той части мирового олигархата, которая стремится к захвату новых месторождений, новых ресурсов, новых рынков сбыта...

Да, хорошо оплачиваемое участие в различных политтехнологиях может принести писателю временный успех, подкрепленный бурной рекламой. Только скоро обнаружится, что эти произведения — не русская литература.

Мерило здесь, мне кажется, одно: есть в литературе талантливое — и есть не талантливое. А подделка под талантливое обманывает думающих людей не долго.

С. К.: Существует распространенное мнение, что в последние десятилетия умерли и литературный процесс, и читатель. Как вы относитесь к такой версии?

В. Г.: Мне она кажется преступной. Эти десятилетия — время великого, мученического стояния в правде настоящих русских писателей, успевших войти в русскую литературу книгами с небольшим тиражом лишь чудом.

Популярность таких писателей, как Николай Шпилов, Илья Кашафутдинов, Юрий Доброскокин, Геннадий Доронин, Павел Юлаев, и вовсе заглушена. Целый пласт настоящей русской литературы был захлестнут литературной обильной

пенной, раскачивающейся на рыночных просторах доселе. Но перечеркивать эти имена грешно, они есть в литературе. Я же назвала сейчас далеко не всех, создававших свои произведения в недостаточной известности.

Наша литература очень богата — была, есть и будет; остается ли она под спудом, сотворенная на хлебе, воде да на голом таланте, или успешная прозвучать хотя бы несколькими настоящими именами. Особенно терпкой она становится в пору лихолетий. Помните? «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед». А ведь целых два поколения почти не знало стихов М. Цветаевой.

Читатели же найдутся всегда, только смотря какие. У литературного ширпотреба их вообще бывает великое множество. Но количество ценителей подлинного обычно невелико.

С. К.: Существует мнение, что хороший писатель может стать хорошим журналистом, а вот талантливый журналист может ли стать настоящим писателем?

В. Г.: Большие художники старшего поколения предупреждали нас: в средствах массовой информации художнику опасно работать более двух лет. Иначе навык репортерства, укоренившись, станет отражаться на всей последующей прозе. А это — торопливая однотипность сюжетов, менее тщательная работа с сокровенными смыслами. Прозаики-репортеры быстро переходят на количество, теряя качество — и они уже не замечают этих изменений в себе. Для них становится необыкновенно важным держать руку на пульсе времени! В погоне за этим теряется глубина осмысления жизни. У них притупляется навык отсева второстепенного...

Но, к счастью, на первом же курсе Литературного института нас предостерегли еще и опытные старшекурсники — передали завет сурового поэта В. Луговского, который грозил им пальцем: «Идите мимо временного!» А В. Луговской — это ведь не только красногвардейские ранние стихи, но и — «Вставайте, люди русские!». Им написаны слова для хора в фильме «Александр Невский»...

На своем опыте В. Луговской знал, конечно, что это за беда — служить временному. Поздняя его лирика иная. Помните? «...Меня укрывает от давних нападков пуховый платок твоего снегопада».

С. К.: Вы как-то подметили: «Самая жесткая идеология — это та идеология, которая уверила всех, что ее нет». Можете ли вы выделить разные типы писателей-идеологов в отечественной словесности?

В. Г.: Идеология — это система идей, направляющих развитие общества и формирующих программу социальных преобразований. Если людям внушают, что такой системы в государстве нет вообще, от нас скрываются цели ее и задачи. Однако вектор ее поэтапного осуществления виден всем. Это — разоренные села и города, заброшенные, пустующие земли, алчная эксплуатация природных богатств, которые питают роскошествующих олигархов, это стремительное, неуклонное обнищание населения.

Видны и методы управления народом, которого грабят именно сейчас все более изощренно. Так садисты зажимают в тиски руку человека и закручивают рукоять до тех запредельных пор, пока тот не взвояет под пыткой. Тогда немного эти тиски ослабляются, но лишь самую малость, давая немного привыкнуть и к этой боли... Все тяжелее живется обычным людям. Но в стране есть силы, противостоящие злу. И современный писатель служит либо реальным задачам дальнейшего разграбления страны, задачам истребления и самоистребления народа, либо противостоит им, как умеет. Однако для второго типа пишущих оставлены лишь очень узкие коридоры, не помещаясь в которые такие авторы отодвигаются в тень.

Когда литература — это товар, то рынок приобретает себе немного белой монархической идеи, прокладывая путь в Россию гогенцоллернам, что позволит в дальнейшем сделать власть олигархата еще и как бы освященной свыше. Прихватывает он и немного красного патриотизма с уклоном в сталинизм — олигархат совсем не прочь присвоить себе сталинские методы и полномочия для расправы с неугодными, он предвидит на-

родные волнения. Рынок приобретает немного студенческой оппозиции, управляемой исключительно нео-ельцинистами. Немного православно-го почвенничества, которое кренилось бы в сторону экуменизма или убаюкивающего «розового христианства» (выражение К. Леонтьева)...

Современный рынок создает в нашей стране лоскутное литературное полотно, якобы независимое, но полностью контролируемое. В этих условиях выборочной подпитки наш писатель пытается создать что-то свое, не зависящее от «хозяина». Но как только однажды он выполнит эту честную свою задачу, то будет тут же отключен со своей талантливой литературой от достойного жизнеобеспечения, как «не востребованный обществом». Отсюда — чехарда с именами, то возникающими, то куда-то исчезающими. А на вершине всей этой кутерьмы располагаются трое-четверо крупных писателей, которые давно возросли, укоренились в литературе и заняты преимущественно собой. Этих выдающихся фигур вполне хватает рынку, чтобы увенчать пирамиду, на вершину которой взобраться стихийно не сможет никто из ныне пишущих...

Да, самостоятельно мыслящий литератор, не работающий в строго очерченных коридорах, туда не будет допущен. Пока положение дел таково. Что будет дальше, посмотрим.

С. К.: И напоследок, что пожелаете талантам, начинающим тернистый путь Писателя?

В. Г.: Постараться понять себя. Чтобы не ходить чужими путями.

Редакция журнала поздравляет Веру Григорьевну с юбилеем. Желает жизненных сил, творческой неисчерпаемости и Божьей помощи в «мужественном стоянии в правде»! ■